

— Расставили мы, значит, мебель, какая была, и стали жить. К сравнительно новой мебели, выглядевшей достаточно прилично, можно было причислить польский кухонный гарнитур, купленный в Ладушкине, платяной шкаф, секцию и стеллажи для книг. Добавить к ним диван-кровать и кресло, оставшиеся от моих родителей, телевизор, приёмник и пианино - вот и вся обстановка, а места ещё оставалось предостаточно. Письменный стол - тумба на тумбу - попал в кладовку, из столешницы я соорудил в кладовке антресоль для чемоданов, ящики в тумбах использовал для хранения инструментов, рыбацких снастей и принадлежностей и всяких прочих своих вещей, относимых Сашулей к категории хлама. Начались новые мебельные приобретения - кушетка для Иринки, новый письменный стол. В этих хлопотах по устройству на новом месте разгорелось лето, погода стояла солнечная, тут бы жить да радоваться, а Сашуля... лила слёзы.

— Я стал ездить на работу в кирху, а у Сашули уже начался декретный отпуск. Иринка окончила третий класс, и, как обычно, её отправили на лето в Севастополь, так что целые дни Сашуле приходилось проводить в новой квартире одной. Не к кому сбегать по соседству поделиться новостями, печальями-радостями. Это-то её больше всего и угнетало.

— Дура, я дура. Что наделала! Зачем согласилась в этот чёртов Калининград переезжать! - причитала она, всхлипывая, по вечерам.

— Ну, вот! Сама всю жизнь в город рвалась, Ладушкин за деревню считала, а теперь слёзы льёшь, - урезонивал я её.

— Ой, не говори, не трави душу, - отвечала Сашуля. - Так я уже ко всем там привыкла, и к лесу, к природе, а здесь вон пылюга какая, трамваи гремят.

— Привыкнешь и здесь, - продолжал я попытки её успокоить. - А в крайнем случае такую квартиру на целый особняк в Ладушкине обменять можно будет.

— На некоторое время эта идея захватила моё воображение, и я даже повесил в Ладушкине объявление, на которое откликнулись владельцы одного особняка. Особнячок (мы ездили посмотреть его вместе с Лебле) оказался небольшим: две комнаты и кухня внизу, комната и ещё одна кухня наверху, в мансарде, но с могучим подвалом и хозяйственными постройками, а также с садом и огородом, выходившими задами к лесу. Удобств, правда, никаких: вода из колонки на улице, газ привозной, баллонный, отопление печное. Это-то Сашулю и отпугнуло, а мне особнячок понравился, и казалось, что если к нему приложить руки... Но Сашуля в хозяйственные мои способности, то есть как раз в моё умение прилагать руки абсолютно не верила. Так идея с обменом на особняк и заглохла, хотя порой мне и мечталось о жизни в особняке с гаражом и садом, таком как отгрохал себе директор зверосовхоза Тихонов в Ладушкине, или какой занимала когда-то на улице Кугузова семья знакомой моей юности - Галки Петровой.

— А вообще-то я быстро адаптировался к новому месту и жительства, и работы, не испытывая никаких неудобств, следуя принципу видеть прежде всего преимущества своего нового положения. С ладушкинского патриотизма я вскоре перестроился на калининградский, хотя поначалу продолжал навещать Ладушкин очень часто.

— В кирхе я расположился в комнате на третьем этаже, где раньше стояла учебная мини-ЭВМ "Мир", принадлежавшая университету. После окончательного ухода Гострема из обсерватории (он недолго оставался у нас в должности старшего научного сотрудника и вскоре полностью переключился на борьбу в университете с Кочемировским и другими за свой "экспериментальный план, так сказать" подготовки студентов), машину перетащили в университет. Само здание кирхи числилось на балансе обсерватории, но при Гостреме его заселяли преимущественно сотрудники так называемой ЛПФ. По инерции они ещё оставались в кирхе и после ухода Гострема из КМИО. Из научных сотрудников обсерватории я первым поселился в кирхе. Моими соседями по комнате стали Костя Латышев и Володя Клименко, оба числившиеся в ЛПФ. Вместе со мной переехали из

Ульяновки в кирху трёхногий книжный шкаф, стеллаж для распечаток, которые грудами продолжали поступать из Вильнюса, и кресло. А осенью я обзавёлся новым двухтумбовым письменным столом. Сохранилась моя докладная Иванову по этому поводу:

И.о. зав. КМИО Иванову В.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

— В целях научной организации труда и повышения его производительности прошу выделить мне двухтумбовый письменный стол из числа двух новых, присланных из ИЗМИРАН, и содействовать транспортировке упомянутого стола по адресу: Калининград, проспект Победы, 35, 3-й этаж.

С.н.с., к.ф.-м.н. Намгаладзе

— На двери нашей комнаты появилась вывеска "Группа моделирования ионосферы". Невзирая на все пертурбации, связанные с уходом Гострема из КМИО, мы все - научные сотрудники и инженеры КМИО и ЛПФ, связанные совместной работой и хоздоговором между обсерваторией и университетом, продолжали считать себя единым научным коллективом. Но с ликвидацией единовластия Гострема формы нашего взаимодействия неизбежно должны были измениться, хотя пока ещё не было ясно - как. Что касается группы моделирования, то как официальное подразделение обсерватории она включала в себя всего лишь троих сотрудников: Коренькова, Сашулю и меня; между собой же мы подразумевали входящими в её состав и целую бригаду от ЛПФ - Латышева, Захарова, Суроткина, Смертина, Клименко, Блик, Поцтывую, Медведева, для которых я, например, формально был всего лишь представителем заказчика, а Гострем - начальником. При всей двусмысленности такой структуры группы она продолжала функционировать как единое целое, окончательно выпал из неё только Миша Никитин.

— После поражения Гострема в обсерватории Миша попытался оправдаться передо мной и Ивановым за своё предательство и восстановить былые приятельские отношения. Мы сидели в одной из комнатшек университетского подвала во втором корпусе: Иванов, я и Малик Юсупов, тогдашний ответственный исполнитель очередного "Клёна" - субподрядной темы, которую для обсерватории как заказчика, а фактически совместно с ней выполнял университет. Обсуждали, как будем теперь взаимодействовать - обсерватория и университет. Ведь Гострем оставался в университете и продолжал "руководить" всеми субподрядными работами, а университет числился соисполнителем "Каштана". К концу обсуждения сбегали в магазин, купили вина, и тут появился Никитин.

— Вначале он был настроен довольно нахально:

— - Привет, мол, мальчики, как дела?

— И в ответ на наши угрюмо-молчаливые рожи (смотреть на него тошно было):

— - Чего вы, в самом деле, обиделись на меня, что ли? Ну, это вы зря. Вы же Гострема знаете, куда мне от него деваться? Да и кто знал, как у вас повернётся? Я думал, ничего не выйдет.

— - Ну, и молчал бы, - ответил ему Иванов. - Чего ты к Лобачевскому полез?

— - Да меня Гострем заставил.

— - Против коллектива, против ребят своих пошёл - это же как-то не по-человечески, - сказал Малик.

— Миша закипятился:

— - Да бросьте вы демагогию разводить, причём здесь коллектив...

— Тут уж мы не выдержали и накинулись на него втроём:

___ - Если для тебя коллектив здесь не причём, так и катись отсюда, и не подходи к нам больше. Печатай свои статьи с Гостремом, а на нашу группу не ссылайся. И не лезь к нам, когда Гострем из университета полетит.

___ - Вы меня не так поняли... - пошёл на попятную Миша.

___ - А чего тебя понимать? Шкурник ты и всё. Дерьмо, - заключил Малик. Он уже начал хмелеть. Тут Миша неожиданно пустил слезу: - Да, как я с язвой валялся, так где ваш коллектив был?

___ - Ты сам от нас откололся, не захотел вместе со всеми над большой моделью работать. Захотелось поскорее диссертацию склепать, вот и сделал ставку на Гострема. Да просчитался. Увидишь, Гострем и в университете долго не продержится.

___ - Нет, ребята, вы зря на меня так. Вы же знаете, как я на самом деле к Гострему отношусь!

___ - Да ладно. Ступай себе с Богом.

___ Миша и потом ещё пытался заводить разговоры со мной в надежде улучшить отношения, но я был прохладен. Доверие моё к нему было подорвано раз и навсегда.

___ А в тот раз я возвращался из университета вместе с Юсуповым. Знаком с ним я был мало. Серёжа и Кочемировский относились к нему почему-то с подозрением - он, мол, себе на уме, хитрый татарин, а мне Малик нравился. К удивлению своему я узнал, что он прямо-таки ненавидит... Гречишкина. Я-то думал, что Гречишкин сам перетащил сюда Юсупова, ведь они оба из Перми.

___ - Это такая сука, каких свет не видал, почище Гострема ещё, только не так грубо работает. Ты от него держись подальше - в органы заложит, - бормотал Малик, будучи уже явно пьян.

___ Про Гречишкина я и от Кочемировского слышал нелестные высказывания, тот знал его ещё по ЛГУ. Самому же с Гречишкиным мне пришлось столкнуться лишь года через три...

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)